

Феминистские эпистемологии: направления, теории, дебаты

Аня Кузнецова (р. 1998) –
гендерная исследователь-
ница, магистр филологии
(РГГУ, Москва).

Какие темы интересуют гендерных исследователей сегодня? Ответ на этот вопрос может разочаровать: многие работы последних лет посвящены той же проблематике, что и двадцать, тридцать и даже пятьдесят лет назад.

Отчасти это связано с реактуализацией проблем, о которых говорилось во время расцвета женского движения в 1960-х. Среди них – права людей с негегемонной гендерной идентичностью и сексуальностью, небелых женщин, связь экономического и гендерного угнетения и даже право на аборт. Правый поворот, который наблюдается сегодня по всему миру, меняет социальную политику. Первыми эти изменения ощущают маргинализированные группы. Наглядный пример – президентство Дональда Трампа, целью которого была и остается борьба с мигрантами. Вспомним и то, что во время его первого срока Верховный суд США отменил постановление о праве на аборт.

Взгляды Трампа и других правых политиков рассматриваются в книге Джудит Батлер «Кто боится гендера?» (2024). Примечательно, что она существенно отличается от предыдущих работ Батлер. Если в «Гендерном беспокойстве» важное место занимала ревизия психоаналитических и философских концепций, то в новой книге существенную часть занимают описания социальной реальности и стратегий по ее улучшению. Этот пример наглядно показывает, как изменение политического ландшафта влияет на темы и методологии гендерных исследований.

Однако у цикличности, которую мы наблюдаем в феминистском движении, есть и другое объяснение. Оно связано с пониманием женского движения как череды волн. Линда Николсон указывает, что сегодня это понимание не только изжило себя, но и может оказаться вредным: волна как метафора, во-первых, подразумевает объединение людей вокруг одной идеи и, во-вторых, не объясняет, почему цели, поставленные феминистками первых волн, до сих пор не достигнуты¹.

Теперь, когда мы выяснили, почему темы, затронутые еще в 1960-е, остаются предметом дебатов в женском движении, рассмотрим их подробнее.

¹ NICHOLSON L. *Feminism in «Waves»: Useful Metaphor or Not?* // New Politics. 2010 (https://newpol.org/issue_post/feminism-waves-useful-metaphor-or-not/).

ГЕНДЕРНО-ИНКЛЮЗИВНЫЙ И ГЕНДЕРНО-КРИТИЧЕСКИЙ ФЕМИНИЗМЫ

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

Вопрос о допуске «транс»-женщин в женские пространства – уборные и раздевалки, – который сегодня активно обсуждается на страницах академических изданий и в социальных сетях, еще в 1970-х был краеугольным камнем дискуссии о «транс»-людях. Исследовательница Яна Кирей-Ситникова указывает, что для радикальных феминисток² того времени «транс»-женщины являлись не женщинами, а мужчинами, которые вторгаются как в женские пространства, так и в само движение:

«Аргументами против признания транс-женщин женщинами служили как биологические (хромосомы и половые органы), так и социально-конструктивистские (отсутствие опыта угнетения и мужские привилегии) подходы»³.

Наиболее распространенным основанием для отказа включать «транс»-женщин в феминистское движение и вообще считать их женщинами был (и остается) аргумент о наличии у них пенисов и отсутствии вагин. «Трансфеминистки» сходятся во мнении, что такой довод является догматическим и эссенциализирующим:

«Сведение личности к гениталиям является не только объективизацией, но и поддерживает миф о том, что мужская власть каким-то образом связана с наличием фаллоса, – миф, нашедший яркое выражение в теориях психоаналитиков»⁴.

Несмотря на развитие «трансфеминистских» исследований за последние тридцать лет, вопрос о включении «транс»-женщин в женское движение и допуске их в женские пространства все еще обсуждается современными исследовательницами. Среди них – профессор философии Кэтлин Сток. В книге «Материальные девочки: почему реальность важна для феминизма» (2021) она обозревает историю и теорию гендерной идентичности и пытается ответить на вопрос о том, как «транс»-активизм и исследования трансгендерности влияют на фем-активизм и жизнь «материальных» женщин, то есть тех, кому женский пол был приписан при рождении.

Сток приводит цитату Симоны де Бовуар из «Второго пола» – «Женщиной не рождаются, женщиной становятся»⁵, а затем пишет, что французская экзистенциалистка в первую очередь

2 Сегодня не все феминистки, идентифицирующие себя как радикальные, поддерживают исключение «транс»-людей из феминистского дискурса.

3 Ситникова Я. Трансфеминизм и радикальный феминизм: когда приватное ставит под вопрос публичное // Женщины в политике: новые подходы к политическому. 2013. № 3. С. 79.

4 Там же. С. 83.

5 Бовуар С. *Второй пол*. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2018. С. 336.

говорила о процессе превращения девочки в женщину под воздействием культурных представлений о женственности, которые «в основном формируются мужчинами и во многом в их интересах»⁶. Сток считает, что идея Бовуар – с подачи феминисток второй волны, которые развели понятия «гендер» и «пол», – была превратно понята современными гендерными исследовательницами, рассматривающими женщин и девочек как группу людей, на которых проецируется женская социальная роль, и приходит к такому выводу:

«Кажется, из этой точки зрения следует – как минимум, потенциально, что быть женщиной [*woman*] – не значит обязательно быть женщиной по рождению [*female*], как и для того, чтобы быть мужчиной [*man*] – не значит обязательно быть мужчиной по рождению [*male*]. Мужчина по рождению [*male*] может быть женщиной до тех пор, пока на него систематически проецируется – или скорее видимо, на нее – женская социальная роль. Таким образом, это, вероятно, открывает возможность для транс-женщин считаться женщиной – в буквальном смысле – до тех пор, пока она играет женскую социальную роль, подобно другим женщинам»⁷.

Именно с этой позицией Сток спорит на протяжении книги. Она утверждает, что биологический пол материален, бинарен и имеет социальную значимость, то есть влияет на то, как устроены социальные отношения между женщинами и мужчинами.

Важную часть «Материальных девочек» занимают размышления о социальном конструировании гендера. В качестве оппонентов Сток среди прочих выбирает Джудит Батлер и разбирает работы «Гендерное беспокойство» и «Тела, имеющие значения». Сток критикует якобы высказанные Батлер утверждения о том, что «категории мужского и женского не обладают никаким другим смыслом, кроме социального», что «в мире нет ничего вразумительного до тех пор, пока оно не будет упомянуто в языке», и что «язык не отражает того, что уже существовало»⁸.

Тем не менее в «Гендерном беспокойстве», помимо социального, разбирается роль культурного, лингвистического, политического и других аспектов в процессе конструирования гендера (но не пола). Что касается критики лингвистического подхода, рискнем предположить, что Сток имеет в виду следующее высказывание из «Гендерного беспокойства»:

«Области политической и языковой “репрезентации” заранее устанавливают критерии, по которым образуются субъекты, в результате чего репрезентация распространяется только на то, что может быть признано субъектом»⁹.

6 Сток К. *Material Girls. Why Reality Matters for Feminism*. London: Fleet, 2021. P. 14.

7 Ibid. P. 15.

8 Ibid. P. 54–55.

9 БАТЛЕР Дж. *Гендерное беспокойство. Феминизм и подрыв идентичности*. М.: V-A-C Press, 2022. С. 44.

По все видимости в тексте Батлер речь идет о критериях для языковой репрезентации, а не о языке как способе репрезентации. Например, для гендера, эти критерии будут делиться на две бинарные категории: феминность, конвенционально женственную красоту, наличие вагины и груди – для образования женского субъекта; маскулинность, силу, наличие пениса – для образования мужского субъекта.

Почему эти детали важны? Как они влияют на дискуссию между гендерно-инклюзивными и гендерно-критическими феминистками? Анализ, который предлагает Кэтлин Сток и который критикует исследования, позволяющие взглянуть на гендер не только как на материальность, но как на более сложную конструкцию, сформированную под влиянием различных дискурсов и предлагающие пересмотреть бинарную оппозицию, эпистемологически разрушает предложенные гендерно-инклюзивными исследовательницами возможности для тех, кто не желает и не может идентифицировать себя с одним из двух возможных в этой материальности гендеров.

Дискуссия о «транс»-людях – яркий пример того, как вопросы феминизма переходят из активистской среды на страницы академических изданий, которые затем обсуждаются публично, например, в социальных сетях, а эти дебаты в свою очередь становятся частью новых работ по гендерным исследованиям. Так, на своей страничке писательница Джоан Роулинг признавалась, что изучала работы Кэтлин Сток¹⁰. Действительно, тезисы первой воспроизводят идеи второй: критика идеи о социальном конструировании гендера, убеждение в его исключительной материальности и, наконец, позиция по поводу допуска «транс»-женщин в женские пространства. Интересно и то, что Джоан Роулинг знакома с работами Джудит Батлер. Хотя писательница не вступала в публичные споры с Батлер, но отзывалась о них в саркастической манере¹¹. Впрочем, для нас более интересным является тот факт, что в последней книге Батлер выделяется значительное место разбору позиции Джоан Роулинг, а заодно и Кэтлин Сток.

Работа «Кто боится гендера?» посвящена анализу антигендерной идеологии (в терминологии Батлер), представителями которой являются правые политики и популисты, религиозные организации и все, кто рассматривает гендер как некий «монолит, обладающий пугающей силой и влиянием»¹². В книге анализируются несколько кейсов последних лет, среди которых – движение британских гендерно-критических феминисток. Типичный для них тезис о том, что «транс»-женщины, по-

¹⁰ См.: https://x.com/jk_rowling/status/1796958424736874862.

¹¹ См.: https://x.com/jk_rowling/status/1854315757913657592.

¹² BUTLER J. *Who is Afraid of Gender?* New York: Farrar, Straus & Giroux, 2024. P. 6.

падая в женские тюрьмы, уборные и раздевалки, могут и/или совершают сексуализированное насилие (аргумент, к которому прибегает Сток в «Материальных девочках» и Роулинг в своих соцсетях) разбирается следующим образом: изнасилование является актом доминирования, который возникает из социальных отношений, утверждающих маскулинное господство и доступ к женским телам без согласия. Причина этого доминирования видится не в наличии пениса, а в отношениях власти в обществе и их влиянии на наши тела:

«Причина этого доминирования не является биологической; тело, скорее, организовано и пронизано действующими в нем отношениями власти. [...] Если целью является собственническое доминирование, для него хороши все средства. Жестокое желание не возникает из пениса, хотя иногда осуществляется с его помощью, но не по биологической необходимости, а скорее ради социального желания абсолютного доминирования (эта точка зрения когда-то принадлежала радикальному феминизму, а затем была присвоена биологическими редукционистами). Безусловно, нам было бы полезно лучше понять, как возникает это желание доминировать, о чем уже задумывалось множество феминисток до появления поколения TERF [гендерно-критических феминисток]»¹³.

Вместо исключения «транс»-людей из феминистского сообщества возможна другая стратегия: кооперация для совместного сопротивления антигендерному движению, целью которого являются не только ограничение прав «транс»-людей, но также – женщин, небелых, «квир»-людей и экономически не защищенных групп.

Иными словами, критика в адрес Кэтлин Сток и Джоан Роулинг связана с тем, что те проводят прямую связь между наличием пениса и потенциальной возможностью насильствовать и не пытаются разобраться в том, как распределение власти в обществе влияет на насилие в отношении женщин. Вместо исключения «транс»-людей из феминистского сообщества возможна другая стратегия: кооперация для совместного сопротивления антигендерному движению, целью которого являются не только ограничение прав «транс»-людей, но также – женщин, небелых, «квир»-людей и экономически не защищенных групп. Этой точки зрения придерживаются многие представительницы интерсекционального феминизма, тесно связанного с борь-

13 Ibid. P. 144.

бой за права небелых женщин, – например, Кимберли Креншоу и Сара Ахмед.

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

НЕБЕЛЫЙ ФЕМИНИЗМ И ДЕКОЛОНИАЛЬНАЯ ГЕНДЕРНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Вопросы, которые ставит небелый феминизм, пожалуй, одни из самых сложных для феминистского сообщества, что во многом обусловлено проблемой, которую подняла Гаятри Спивак в эссе «Могут ли угнетенные говорить?» (1988): субалтерны не только находятся в позиции угнетенных, но и лишены возможности говорить от себя. Желание белых феминисток репрезентировать и поддержать небелых женщин, пускай и идущее из хороших намерений, может оказаться проблематичным: начиная с непонимания потребностей небелых женщин и заканчивая чувством вины за свою «белость» (*white guilt*), которое переносит фокус с темы угнетения небелых женщин на ощущения белых людей. Проблематичным является и дискурс о «спасении» небелых женщин белыми феминистками. Этот вопрос рассматривает, например, Лила Абу-Лугод в книге «Нуждаются ли мусульманские женщины в спасении?» (2015), критикуя распространившийся образ «жертвы ислама», западный вокабуляр, который используется для описания их положения, а также военные вмешательства других государств «во имя спасения». Учитывая обозначенные выше сложности, попробуем рассмотреть ряд дискуссий внутри и вокруг небелого феминизма.

Для черного феминизма, зародившегося в кругах англоязычных чернокожих активисток и исследовательниц, одной из центральных проблем был и остается расизм и его связь с женским опытом. Этим вопросом занимались (а некоторые и продолжают заниматься) белл хукс, Анжела Дэвис, Кимберли Креншоу, Патриция Хилл Коллинз и другие. Становление многих пришлось на 1960–1980-е – период, когда чернокожее население США активно выступало против расовой сегрегации, физического и экономического насилия. Позже Креншоу предложила концепцию интерсекциональности, или теории пересечений¹⁴: используя метафору перекрестка, она писала о необходимости учета различных факторов угнетения – расы, класса, сексуальной ориентации и других, в то время как белый феминизм брал во внимание только гендер.

Со временем интерсекциональность вышла далеко за рамки черного феминизма. Однако сегодня теория пересечений является дискуссионной в академических кругах. Пока одни исполь-

14 CRENSHAW K. *Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color* // Stanford Law Review. 1991. Vol. 43. № 6. P. 1241–1299.

зуют ее в качестве отправной точки своих работ – например, Сара Ахмед, писавшая, что «феминизм будет интерсекциональным или же станет чушью»¹⁵, – другие утверждают, что, становясь все более популярной, эта теория утратила свой изначальный смысл. Так, Рекия Джибрин и Сара Салем указывают, что теория пересечений стала зонтичным термином для различных, иногда противоречивых эпистемологий¹⁶. Это привело к тому, что интерсекциональными стали считаться в том числе исследования либеральных феминисток, которым изначально и противостоял черный феминизм. Воспроизводя политику идентичности, либеральный феминизм ставит знак равенства между расой и другими идентичностями, что критикуется, например, Мэри Моран и Джудит Батлер. В итоге процесс присвоения интерсекциональности либеральным феминизмом привел к «обелению» изначальной теории и повторной маргинализации черного феминизма, на что также указывала и сама Креншоу.

Ряд исследовательниц – например, Сирма Бильге – считают, что ответственность за деполитизацию интерсекциональности лежит на неолиберализме, который ее апроприировал: «радикальная политика, основанная на идентичности, часто становилась корпоративным инструментом разнообразия, используемым доминирующими группами для достижения различных идеологических и институциональных целей»¹⁷. Чандра Моханти указывает, что важную роль в этом процессе сыграла постмодернистская академия и те способы, которыми она отвлекает внимание от структурных форм угнетения:

«Знакомый постмодернистский аргумент, согласно которому “внутренние различия” всегда превосходят критический анализ доминирующих дискурсов, приводит к отказу выявить существование гегемонного феминизма, который оказывает систематическое воздействие на маргинализированные сообщества»¹⁸.

Возможной эпистемологической альтернативой могла бы стать деколониальная гендерная философия – область знания, развивающаяся в русле деколониального поворота. Ее цель – размежевание с колониальностью и колониальным знанием. По мнению деколониальных мыслительниц, колониальность связана с модернистской эпистемологией, а потому задача деколониального феминизма – в разрушении монополии западного феминизма на универсальное знание, отказ от принятия западных гендерных исследований как некоего абсолюта. Де-

15 AHMED S. *Living a Feminist Life*. Durham: Duke University Press, 2017. P. 8.

16 JIBRIN R., SALEM S. *Revisiting Intersectionality: Reflections on Theory and Praxis* // Trans-Scripts. 2015. Vol. 5 (https://cpb-us-e2.wpmucdn.com/sites.uci.edu/dist/f/1861/files/2014/10/2015_5_salem.pdf).

17 BILGE S. *Intersectionality Undone* // Du Bois Review: Social Science Research on Race. 2013. Vol. 10. № 2. P. 407.

18 MOHANTY C. *Transnational Feminist Crossings: On Neoliberalism and Radical Critique* // Signs. 2013. Vol. 38. № 4. P. 983.

колониальные феминистки проблематизируют исследования о небелом феминизме, основанные на западной методологии. Примером подобного исследования является работа Кумари Джайаурдены «Феминизм и национализм в третьем мире», которая повествует об истории женского движения в восточных странах. Автор опирается на европоцентричный подход, несмотря на то, что феминизм, о котором она пишет, не был просто заимствован на Западе, но развивался самостоятельно. Мадина Тлостанова пишет в этой связи:

«Такая критика категорий и установок западного феминизма не посягает на более всеохватные конструкты и фреймы современности, частью которых был западный феминизм и каковыми он обуславливался»¹⁹.

По мнению Тлостановой, деколониальный феминизм является основанием для объединения цветного феминизма²⁰. Это вовсе не означает универсализацию опытов, связанных с различными контекстами. Например, Мария Лугонес, одна из центральных для деколониального поворота исследовательниц, предлагает рассматривать каждый опыт изнутри той среды, в которой он существует. Лугонес вводит идею о «путешествии-в-мир», которое позволяет понять, как другие люди воспринимают нас и самих себя внутри собственного опыта. Этот подход позволяет узнать об опыте конкретного человека не с некой воображаемой объективной позиции, а как бы поставить или попытаться поставить себя на его или ее место:

«Рекомендуя “путешествие-в-мир” и идентификацию через “путешествие-в-мир” как форму любви к другим женщинам, я предлагаю быть нелояльными к высокомерному восприятию, в том числе высокомерному восприятию внутри нас самих, и его конструированию женщин. Говоря об агонистической игривости как несовместимой с “путешествием-в-мир”, я одновременно указываю на ее сходство с империализмом и высокомерным восприятием и на ее несовместимость с любовью и любящим взглядом»²¹.

Более детальное погружение в тему деколониального феминизма показывает, насколько сложным и неоднородным он является. Деколониальные феминистки проблематизируют необходимость овладевать западными теориями, чтобы быть услышанными, указывают на присвоение исследований цветного феминизма западными учеными, ставят вопрос о колониальном навязывании гендера и так далее.

19 Тлостанова М. *От феминизма третьего мира к деколониальной гендерной философии* // Вестник ТГЭУ. 2009. № 1. С. 108.

20 Там же. С. 112.

21 LUGONES M. *Playfulness, «World»-Travelling, and Loving Perception* // Hypatia. 1987. Vol. 2. № 2. P. 18.

ЛИБЕРАЛЬНЫЙ ФЕМИНИЗМ И ЛЕВЫЕ ЖЕНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ

Либеральный феминизм неоднократно критиковали представительницы различных женских движений. Радикальные и гендерно-критические феминистки, такие как Джули Биндел, упрекали либеральных феминисток в поддержке «транс»-людей, а также в том, что они рассматривают секс-работу не как угнетение и сексуализированное насилие, а как «расширение возможностей социальных структур»²².

Либеральный феминизм едва ли можно назвать однородным движением, однако многие либерально-феминистские интернациональные организации вроде «ООН-женщины», а также ряд организаций в Дании, Ирландии, Германии и других странах действительно считают борьбу с «трансфобией» своей задачей. Однако упрек либерального феминизма в поддержке секс-работы ошибочен. Известные либерально-феминистские организации – например, Национальная организация женщин, – как правило, выступают против секс-работы, хотя их взгляды на стратегии борьбы с ней различаются (в то время как радикальные феминистки призывают к полному запрету проституции). Борьбой за права секс-работниц исторически занималось не либеральное женское движение, а феминистки, придерживающиеся левых взглядов. Это происходит и сейчас: показательный случай, описанный в книге «Бунтующие проститутки: борьба за права секс-работниц», авторы которой Джуно Мак и Молли Смит, изначально стоявшие на позициях либерального феминизма, заинтересовались коммунистическими идеями после того, как стали секс-работницами. В своей книге они критикуют феминисток, чьи взгляды направлены против проституции, и приводят доказательства, что криминализация, как и скандинавская модель, не только не улучшают жизнь секс-работниц, но и повышают риски вымогательства, насилия и в целом угрожают их безопасности.

Более конструктивную критику либерального феминизма можно услышать со стороны небелого феминизма – об этом мы писали выше. Важной также является критика, исходящая от левых женских движений. Хотя они разнообразны и придерживаются разных стратегий, но сходятся в том, что оспаривают основы, на которых базируется либеральный феминизм: стремление к равноправию с помощью правового и институционального регулирования, которое, в конечном счете, сводится к борьбе с мужчинами за власть. Кроме того, либеральный феминизм, по мнению левых феминисток, является поверхност-

22 BINDEL J. *Liberal Feminism Has Failed Women* (www.aljazeera.com/opinions/2020/11/16/feminisms-second-wave-has-failed-women).

ным, поскольку не прибегает к классовому анализу и репрезентирует интересы лишь одной группы женщин (как правило, белых из среднего класса). В 2017 году против либерального феминизма в США выступило движение «Феминизм для 99%». Авторы его манифеста, левые феминистки и исследовательницы Чинция Арруцца, Тити Бхаттачарья и Нэнси Фрэйзер, порицали либерально-феминистские движения за их служение лишь 1% женщин, которые получили независимость, благодаря хорошей зарплате и успешной карьере, и призывали к этому других, в то время как подавляющее большинство женщин из-за более маргинализованного положения не имели доступа к таким ресурсам.

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

Воспроизводя политику идентичности, либеральный феминизм ставит знак равенства между расой и другими идентичностями. В итоге процесс присвоения интерсекциональности либеральным феминизмом привел к «обелению» изначальной теории и повторной маргинализации черного феминизма.

Прежде, чем перейти к проблемам, которыми занимаются современные левые феминистки, стоит сделать оговорку о разнообразии этого движения. Упрощая категоризацию, можно было бы сказать, что основные направления внутри левого феминизма – это марксистский, социалистический и анархо-феминизмы. Тем не менее ряд феминисток, оставаясь в рамках небелого феминизма, прибегают к марксистской и/или анархистской оптике для комплексного анализа угнетения – и, наоборот, левые феминистки выступают за солидаризацию с представительницами небелого феминизма. Сложным остается и вопрос различия между марксистским и социалистическим феминизмами. Исследовательница Нэнси Холмсторн пишет:

«То, какое слово мы выберем для самоидентификации, во многом зависит... от политического контекста, в котором мы находимся, и дебатов, в которых мы участвуем, а также от того, как мы понимаем эти категории. Таким образом, один и тот же лейбл может не подразумевать одного и того же анализа, а разные лейблы могут не подразумевать разных анализов»²³.

В этой связи далее будут указываться названия, использованные в рассматриваемых работах.

23 HOLMSTROM N. *Feminisms of the Left* // New Politics. 2016 (https://newpol.org/issue_post/feminisms-left/).

Важным событием для исследовательниц, работающих с марксистской и феминистской теориями, стало переиздание в 2013 году книги Лизы Фогель «Марксизм и угнетение женщин». Изначально она была опубликована почти тридцать лет назад и не получила должного внимания, однако стала актуальной с возрождением антикапиталистического движения. Проводя ревизию трудов Маркса, Фогель отводит важную роль вопросу о воспроизводстве рабочей силы, которое осуществляется в том числе путем деторождения. Производство товаров и услуг и производство рабочей силы тесно связаны, хотя эта связь довольно сложная и противоречивая. Капиталистам нужна рабочая сила – это необходимое условие производства стоимости, а рабочие в свою очередь нуждаются в зарплате и социальных услугах для удовлетворения потребностей. Развивая мысль Фогель, исследовательница Сьюзан Фергюсон пишет:

«В этом есть противоречие, потому что капиталисты должны – чтобы оставаться конкурентоспособными – создавать условия, при которых удовлетворение человеческих потребностей подчинено накоплению. Они должны сдерживать и контролировать заработную плату и социальные расходы, которые идут на обновление рабочей силы и самой жизни»²⁴.

К этой концепции обратилась еще одна марксистская феминистка – Сильвия Федеричи. В работе «Патриархат заработной платы» она предлагает рассмотреть гендерные идентичности как идентичности рабочих (так как женщины занимаются (вос)производством рабочей силы), а гендерные отношения как производственные. Этот подход не только дополняет теорию Маркса, который не обратил внимания на роль репродуктивного труда, но и дает новые возможности для классовой борьбы. Впрочем, здесь стратегии левых феминисток разнятся. Федеричи считает, что в случае, когда мужчины соглашаются занимать позицию государства по отношению к женщинам, классовая борьба может вестись и внутри пролетариата, внутри семьи, поскольку, «чтобы сражаться с капитализмом, мы должны были бороться с нашими собственными мужьями и отцами»²⁵. Лиза Фогель говорит о том, что выбор способа сопротивления может носить личный характер:

«Женщины могут отказаться оставаться дома, чтобы рожать и воспитывать детей. [...] Женщины и мужчины могут объединиться для защиты существующих форм своих институтов семейной жизни»²⁶.

24 Фергюсон С. *Социальное воспроизводство: в чем ключевая идея?* (<https://altleft.org/2024/08/socialnoe-vosproizvodstvo-v-chem-kljuchevaja-ideja/>).

25 Федеричи С. *Патриархат заработной платы*. М.: Новое литературное обозрение, 2023. С. 69.

26 Фогель Л. *Марксизм и угнетение женщин*. М.: Напильник, 2023. С. 244.

Еще одна исследовательница, занимающаяся теорией социального воспроизводства, Тити Бхаттачарья, указывает на важность комплексной борьбы:

«В организациях, в которых мы боремся за заработную плату (например в наших профсоюзах), нам необходимо поднять вопрос репродуктивной справедливости; а в организациях, где мы боремся с сексизмом и расизмом, необходимо поднять вопрос о заработной плате»²⁷.

Однако есть и общая тенденция. Бхаттачарья и другие левые феминистки сходятся во мнении, что споры о первостепенной важности класса или гендера бессмысленны. Исследовательница Чинция Арруцца пишет:

«Дело не в том, что важнее, класс или гендер, а в том, каким образом гендер и класс переплетаются в капиталистическом производстве и отношениях власти, формируя комплексную реальность. Не слишком важно, да и не слишком полезно пытаться свести все это к простой формуле. Дело в том, каким образом класс и гендер могут быть соединены в политическом проекте, который действовал бы, избегая двух зеркальных опасностей: искушения смешивать две реальности, считая гендер классом или класс гендером, и искушения сводить отношения власти и отношения эксплуатации к микроуровню и не видеть ничего, кроме ряда отдельных угнетений, которые невозможно включить в отчетливый освободительный проект»²⁸.

Изнутри левого женского движения марксистский феминизм критикуется анархо-феминистками за риск экономического редукционизма, поскольку может сводиться исключительно к анализу экономического положения. Так, Кьяра Боттичи считает²⁹, что альянс феминизма с анархизмом мог бы стать куда лучшей альтернативой «несчастливому браку марксизма с феминизмом», поскольку анархизм ориентирован на преодоление всех форм господства. О тенденции критического дистанцирования от догматического марксизма также пишет Мария Рахманинова, хотя и указывает на сближение анархизма и постмарксизма «на почве новой антропологии, рефлексии о психоанализе и, собственно, дрейфа постмарксизма влево»³⁰.

АНЯ КУЗНЕЦОВА

ФЕМИНИСТСКИЕ
ЭПИСТЕМОЛОГИИ:
НАПРАВЛЕНИЯ, ТЕОРИИ,
ДЕБАТЫ

27 BHATTACHARYA T. *What is Social Reproduction Theory?* (<https://marxismocritico.com/2017/10/17/what-is-social-reproduction-theory/>).

28 АРРУЦЦА Ч. «Несчастливый брак марксизма с феминизмом»: битва за то, какое угнетение главное, подходит к концу // Открытая левая. 2016. 15 сентября (<http://openleft.ru/?p=8472>).

29 BOTTECHI C. *Bodies in Plural: Towards an Anarcha-Feminist Manifesto* // Thesis Eleven. 2017. Vol. 142. № 1. P. 91–111.

30 РАХМАНИНОВА М. *Власть и тело*. М.: Радикальная теория и практика, 2020. С. 170.

Разумеется, круг феминистских дискуссий намного шире. Дебаты ведутся среди киберфеминисток, экофеминисток, постмодернистских феминисток и многих других. Вопросы касаются определения женского субъекта, методологии исследований, а также феминистского праксиса. Несмотря на то, что общей целью является борьба с гендерным неравенством, каждое движение внутри феминизма видит разные причины его существования и предлагает свои стратегии сопротивления.

Стоит также отметить, что нередко гендерные исследования существуют не как набор эпистемологий, но как методологии, на которые опираются исследовательницы в различных областях гуманитарного знания. Можно говорить о «феминистской оптике» или «феминистском подходе», который применяется к конкретному полю – будь то история, литература, кинематограф, социология и так далее. Речь идет не столько о программных статьях для каждой из указанных областей (например работах Элен Сиксу или Лоры Малви), сколько об использовании предложенных в них концепций для анализа или же о выборе предмета исследования по гендерезированному принципу (например литературоведческий анализ текстов, написанных только женщинами).